

Ирина Васильевна Герасимчук

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 66
✉ irakrendel@gmail.com*

DOI 10.25205/978-5-4437-1258-1-65-71

**ЖИЗНЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ
В ОЧЕРКАХ Г.А. ВЯТКИНА
(«СИБИРСКИЕ ВОПРОСЫ», 1906 Г.)**

Одним из ярких публицистов дореволюционной Сибири был Г.А. Вяткин (1885–1938). Уроженец Омска, он учился в томской учительской семинарии, затем год проработал сельским учителем, после чего поступил в Казанский институт. Однако из института он был отчислен по причине политической неблагонадежности и вновь вернулся в Томск, где в 1900 г. начал свою журналистскую карьеру [Томск от А до Я, 2004. С. 65]. Литературоведы отмечают несомненный поэтический и литературный талант Вяткина, при этом он был блестящим публицистом, активно сотрудничал в периодических изданиях Томска, Омска и Новосибирска. О том, что Вяткину удавалось успешно совмещать литературную и публицистическую деятельность, свидетельствует следующий факт: в 1910 г. он отмечал 10-летие творческой деятельности и в том же году получил премию Всероссийского конкурса литераторов за лучший рассказ [Сибирь как поле..., 2021. С. 453].

В Томске Вяткин с 1903 г. сотрудничал с газетой «Сибирская жизнь»: сначала в качестве корректора, затем он был репортером,

фельетонистом, рецензентом; именно в этом издании вышло одно из его первых поэтических произведений. Одновременно Вяткин публиковался в таких томских изданиях, как «Сибирский наблюдатель», «Сибирский вестник», «Сибирские отголоски», «Сибирская мысль», в 1909 г. редактировал журнал «Молодая Сибирь», а с 1905 г. реализовывал свой публицистический потенциал в российских журналах «Русское богатство», «Журнал для всех», «Вестник Европы», «Современник», «Летопись».

Цель настоящей работы — выяснить оценку Г. А. Вяткиным до-революционной Сибири, основываясь на анализе очерков, опубликованных в журнале «Сибирские вопросы». Это издание, имевшее подзаголовок «периодический сборник», издавалось в Санкт-Петербурге при участии В. П. Сукачева (Артшулера) и являлось официальным органом Сибирской парламентской группы. В 1906 г. Вяткин опубликовал здесь два очерка: «На nive народной. Из записок сибирского учителя» (Сибирские вопросы. 1906. № 3) и «Глухаревцы. Из очерков сибирской деревни» (Сибирские вопросы. 1906. № 4).

В первом очерке отразился опыт учительской работы публициста, который сразу после окончания учительской семинарии год проработал в сельской школе. На тот момент Вяткину было 15–16 лет (точной даты нет), и сибирская деревня произвела на молодого учителя гнетущее впечатление, особенно по сравнению с Томском. Здесь, в губернском центре, уже долгое время работал Императорский томский университет, был открыт и второй сибирский вуз — Томский технологический институт императора Николая II, в котором на момент публикации очерков Вяткина уже училось более 1000 студентов [Астапенко, 2013. С. 29]. Обучаясь в Томской учительской семинарии, Вяткин находился в атмосфере университетского города, он проникся ценностями образования и просветительства, видел свою миссию в наставничестве. Однако быт сибиряков в городе и в деревне сильно различался, и новому учителю, имеющему определенные представления, этот контраст был более чем заметен.

Поскольку очерк относится к художественно-публицистическим жанрам и, как правило, опирается на документальную основу, Вяткин имел возможность не только описать реально произошедшие с ним события, но и поделиться с читателями своими впечатлениями, оценить полученный опыт.

Очерк «На ниве народной. Из записок сибирского учителя» представляет собой описание личной истории молодого учителя, приехавшего преподавать в деревню Угрюмовку и столкнувшегося со старым укладом жизни и воспитания детей. Можно предположить, что название деревни вымышлено, и оно выбрано автором неслучайно, поскольку Вяткин описывает селение как место малоприветливое и суровое: «Деревня тонула во мраке, заливались диким лаем псы, и где-то назойливо звенела визгливая, пьяная бабья песня». Дома здесь — «маленькие, ветхие, с полусгнившими заборами и разваливающимися воротами»; неблагополучными выглядят и местные жители, которые «страдали от недорода и болели лихорадками» (Сибирские вопросы. 1906. № 3).

Одним из лейтмотивов очерка является разочарование в реальной деревенской жизни, которую автор себе представлял несколько иначе. При этом в тексте видно, что Вяткин старается объяснить сложившуюся ситуацию, например, описанием предыдущего учителя, который «подорвал престиж учителя и притупил умственные способности учеников» (Сибирские вопросы. 1906. № 3). С сожалением новый учитель констатирует факт, что дети привыкли к телесным наказаниям, к дисциплине, основанной на кулачном праве.

Одной из главных причин бедственного состояния Угрюмовки Вяткин считает то, что в селе живут уголовные ссыльные, осужденные за убийства, кражи и грабежи. Это оказало негативное влияние на «народную нравственность» и спровоцировало расцвет невежества, которому, как выражается автор, он противостоял не на жизнь, а на смерть. За два месяца такой работы, признавался публицист, нервы его поистрепались.

Однако и среди разочарования автор находит отдушину в виде единомышленницы — учительницы из соседнего села, Ксении Васильевны. Правда, кроме нее, жизнь молодого учителя беспросветна, и на протяжении повествования становится понятно, что дальше будет только хуже. Приходит староста с советами «драть учеников как сидоровых коз», поскольку автор дает им «слишком много воли» (Сибирские вопросы. 1906. № 3). Начинаются попытки вовлечь учителя в конфликт (просьба написать донос), затем автор обнаруживает, что его почту вскрывает писарь. Вяткин воссоздает тягостную атмосферу Угрюмовки, и читателю становится ясно, что попытки просвещения в Угрюмовке, скорее всего, будут безрезультатны. В качестве подтверждения этой мысли автор рассказывает о сходе сельчан, собравшихся избить учителя.

В финале очерка автор апеллирует к «сильным духом и светлым разумом», но, скорее всего, в Угрюмовке их появления не предвидится. Однако только в просвещении автор видит будущее России в целом и Сибири в частности.

Следующий очерк «Глухаревцы. Из очерков сибирской деревни» носит более оптимистичный характер. Он рассказывает о жителях сибирской деревни, которые постепенно оказываются вовлечены в политическое движение. Название деревни, в которой происходит действие, Глухаревка, скорее всего, тоже выдуманное, оно выбрано автором для передачи атмосферы, уклада, мировоззрения жителей. Люди здесь живут не просто в лесной глуши, а вдалеке от основных информационных потоков, и они глухи к переменам, к большим общероссийским событиям.

Очерк написан от лица автора, которому в то время было 19 лет, и он проводил лето в Глухаревке в разгар Русско-японской войны (1904–1905). Несмотря на отдаленность деревни от мест боевых действий, война касается селян непосредственно, ведь мужья и сыновья призваны в армию. Единственным источником информации для селян являются газеты, но в них «насыпаны как горох, непонятные „не

наши“ слова: операция, эвакуация, диспозиция, реквизиция» (Сибирские вопросы. 1906. № 4). Вяткин описывает, как хозяйка дома, где остановился автор, Дарья, чей муж воюет не по своей воле в Манчжурии, с помощью газет ищет ответы на свои простые вопросы: что происходит на фронте, есть ли вероятность того, что муж вернется домой живой и по возможности здоровый. Однако газеты не могут ей помочь, поскольку они слишком сложны для Дарьи: «Чудно, непонятно... как вот в газетах-то пишут... Не для нашего брата... так ничего не узнаешь — не сведаешь... Схожу вот к ворожее Софронихе, али попрошу батюшку молебен отслужить: все легче будет хоть немножечко» (Сибирские вопросы. 1906. № 4).

По сюжету, через два года, летом 1906 г. Вяткин снова оказался в Глухаревке. И снова это знаковый для России год: в разгаре Первая русская революция 1905–1907 гг., накануне приезда автора в деревню в Санкт-Петербурге начинается работа I Государственная Дума. То есть Вяткин вновь получил возможность наблюдать, как события в «большой политике» влияют на жизнь глухой деревни. В Глухаревке тоже перемены, и довольно грустные, так, автор узнает, что у хозяйки дома Дарьи муж погиб на войне. Но теперь жители деревни тянутся к информации, пытаются разобраться в том, что происходит, так как доносящиеся до них новости тревожат селян. Дарья делится с автором: «Уже на что вот я темный человек, а и то иной раз до третьих петухов не сплю, все думаю... Да и другие глухаревцы... И не они глухаревцы, а и все прочие... А уж про города что и говорить!.. И смута везде и ровно как бы не смута... Ничего понять нельзя... А в газетах, говорят, не дают всего печатать, запрещают. Да и то, что пропечатывают, мы не поймем» (Сибирские вопросы. 1906. № 4).

Наряду с ростом заинтересованности селян у них формируются личные суждения, они начинают понемногу разбираться в политике. Характерным эпизодом в этом отношении является описание того, как глухаревцы восприняли брошюру о Государственной Думе, кото-

рую им привез автор. Вяткин описывает жаркие дискуссии глухаревцев по поводу новостей из центра, а также последствия своей «пропаганды»: в деревню приехал становой (чиновник уездной полиции), который пригрозил автору лишением свободы, если он не перестанет делиться политической информацией с глухаревцами. Но результатом этого стало лишь перемещение «пропаганды» в поля и дома, подалее от посторонних глаз.

В конце очерка Вяткин обращает внимание на то, что в Сибири не было выборных органов самоуправления — земств, и выдвигает предположение, что именно это повлияло на их изоляцию от «большой политики»: «Сибирь не знала земства, ее опекуны и администраторы не вызывали ни в ком доверия, и назревавшие в массе проклятые вопросы о воле и правде оставались неразрешенными, давили своей тяжестью...

— Чудно! Непонятно! — дивятся глухаревцы, слыша порой о революционных вспышках» (Сибирские вопросы. 1906. № 4).

Этот финал заставляет вспомнить о том, что «Сибирские вопросы» являлись официальным органом Сибирской парламентской группы, которая была заинтересована в повышении политической грамотности сибиряков. Очерк Вяткина отвечал общей установке журнала.

Таким образом, проанализировав два очерка, можно сделать вывод о критической оценке Вяткиным сибирской деревни. Два описанных им поселения с говорящими названиями Угрюмовка и Глухаревка погрязли в невежестве, изолированные от общего течения русской жизни. Деревенская действительность калечит детей и юношество, отнимает силы у молодых энтузиастов. Однако и для них есть надежда, связанная с активизацией политической жизни, о чем убедительно свидетельствует второй очерк: даже здесь, в самой глуши, просыпается гражданское самосознание, увеличивается интерес к «большой» политике, и это, по мнению Вяткина, позитивное изменение в жизни сибирской деревни.

И. В. Герасимчук

Литература

Астапенко С. С. Быт студентов Томского технологического института Императора Николая II // Вестник КемГУ. 2013. № 4(56). Т. 2. С. 29.

Вяткин Георгий Андреевич // Томск от А до Я : Краткая энциклопедия города / Под ред. д-ра ист. наук Н. М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.

Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, П. В. Алексеева, М. Эспаня. М. : ИМЛИ РАН, ООО Издательский центр «Азбуковник», 2021. 496 с.